

А. Э. Мурзин

Екатеринбург, Россия

ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОТЕНЦИАЛА ГОРОДА КАК ОСНОВА КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социокультурный потенциал, городская среда, экспертная оценка, методы изучения, базовый тип личности, культурологическая экспертиза.

АННОТАЦИЯ: В статье раскрываются особенности методики изучения города как целостного социокультурного феномена в его способности к воспроизводству определенной культурной среды и соответствующего ей типа личности. Новизна подхода состоит в выработке интегрального понятия «социально-культурный потенциал города» и способах его культурологической интерпретации, что может стать основой для экспертных оценок качества городской среды и стратегий развития территорий.

A. E. Murzin

Yekaterinburg, Russia

A STUDY OF THE SOCIO-CULTURAL POTENTIAL THE CITY AS A CULTURAL FOUNDATION EXPERTISE

KEY WORDS: social and cultural potential, the urban environment, expert evaluation, methods of study, the basic personality type, culturological expertise.

ABSTRACT: The article describes the peculiarities of the study methodology as an integral social and cultural phenomenon in its ability to reproduce a specific cultural environment and the corresponding personality type. The novelty of the approach lies in the development of an integral concept of «social and cultural potential of the city» and how its culturological interpretation may become the basis of expert assessments of the quality of the urban environment and development strategies of the territories.

Общей установкой исследований социокультурного развития города является стремление представить социокультурную ситуацию конкретной территории как целостное явление, обладающее системными свойствами, характерными особенностями, логикой и закономерностями развития. Подобная ясность задач и теоретических предпосылок, казалось бы, создает хорошую основу для выработки соответствующей методологии и конкретных исследовательских методик анализа социокультурного развития города.

В действительности же, как показывает практика, попытки реализации данного подхода в прикладных исследо-

ваниях наталкиваются на большие трудности, связанные, прежде всего с необходимостью сделать интуитивно постигаемое органическое единство и целостность внутригородской социокультурной ситуации (описываемые как «характер» города, стиль городской жизни и т. п.) предметом научного анализа. Усугубляется проблема тем, что все рассуждения о развитии культуры в ее территориальном аспекте чаще всего изначально предполагают поиск возможностей, условий, факторов и механизмов способных повлиять на этот процесс. Подобное обстоятельство задает исследовательской работе соответствующую проекцию, как правило,

обусловленную позицию муниципальных органов управления культурой.

Существующая управленческая практика характеризуется нечувствительностью к органическим началам городской жизни. Местные органы власти обычно рассматривают город сквозь призму ведомственно-отраслевого подхода, за которым стоит технократическая иллюзия возможности его редукции как объекта управления к функционированию сети имеющихся предприятий, учреждений, служб и каких-то элементарных социальных единиц. Исследование социокультурного развития города тем самым подменяется изучением функционирования городской сферы культуры (главным образом в ее институциональном аспекте как внутригородской сети учреждений культуры), сводится к вопросам эффективности их деятельности по удовлетворению «культурных потребностей» населения.

Главными критериями оценки состояния городской сферы культуры выступает количество проведенных в течение года мероприятий и число посетивших их горожан. Динамика изменений данных показателей позволяет лишь предполагать какую-то ее связь с действительными изменениями социокультурной ситуации. В условиях отсутствия подлинного понимания происходящих процессов планы и стратегии дальнейшего социокультурного развития города, строясь, исходя из смутно понимаемых интересов и потребностей города, вынужденно приобретают произвольный характер.

Традиционные социологические исследования по изучению «культурных потребностей» населения, призванные исправить ситуацию, как показывает опыт, по-настоящему не справляются со стоящей задачей. Суть в том, что отечественная социология культуры сама сформировалась как отраслевая дисциплина. В ее рамках оказалась не выработанная методология, способная обнаружить и сделать предметом анализа социальное и культурное единство города. Объект исследования социологов, как правило, ста-

новится не территориальное сообщество как таковое, а отдельные социально-демографические группы горожан, жизнедеятельность которых рассматривается в категориях «труд», «быт», «досуг», «культура» и т.д.

Кажущееся очевидным необходимое структурирование на деле приводит к тому, что социологи в дальнейшем занимаются ими же самими изначально искусственно сконструированным объектом, за которым скрывается реальное явление. Подобные исследования, оперируя количественными показателями, не схватывают качественную сторону внутригородской социокультурной ситуации, не видят ее внутреннего единства и целостности, ее специфичность, генетическую связь с предшествующей историей города, логику его развития. В результате, материалы подобных исследований зачастую не позволяют понять, чем моногород по своей социокультурной ситуации отличается, например, от райцентра или исторического города.

Все это свидетельствует о том, что поиск путей реализации социокультурного подхода к исследованию города сохраняет свою актуальность, так как по-прежнему остается потребность в углублении понимания процессов, определяющих развитие города, необходимость в формировании действительно эффективных стратегий развития территории, связанных, в частности, с выработкой критериев оценки происходящего, возможностями его общественной экспертизы.

Одним из возможных подходов к решению стоящих задач может стать приоритетный поиск тех начал социокультурной ситуации в территории, которые определяют ее внутреннее единство, который неразрывно связан с возможностью разработки методологии и конкретных методик, способных выявить, зафиксировать и описать их, то есть сделать предметом анализа в социокультурном исследовании города. Представляется, что подобный подход требует сочетания социологических аналитических методов (системного и факторного анализа, сре-

дового подхода) и культурологических описательных методов: историко-генетического, компаративистского и типологического. Практический опыт прикладных социокультурных исследований позволяет предложить нам рассмотреть в качестве центрального в социокультурном анализе города понятие «социокультурный потенциал города».

Исходной предпосылкой для выделения представления о социокультурном потенциале города явилась попытка развить фундаментальный тезис о том, что продуктом культуры является человеческая личность не как теоретический конструкт, а в буквальном смысле, насколько это реализуется в действительности и может выступить методологической основой и целью прикладного исследования. Человеческая личность как продукт культуры выступает здесь как определенный культурный тип (характеризующийся своим уровнем развития, ценностными ориентациями, структурой потребностей, логикой их развития).

В данном случае «миром культуры» или своего рода его «опосредованном» по отношению к личности выступает город. То есть в своем человеческом измерении город рассматривается как совокупность условий воспроизводства определенного типа личности. Постановка задачи увидеть город сквозь призму личности горожанина, подразумевает то обстоятельство, что в воздействии культуры на личность «настолько велика решающая роль социально-экономической и политической структуры общества, что, в принципе, из анализа одного индивида можно вывести представление о всей социальной структуре, в которой он живет». [З. С. 81].

Следует обратить внимание на то, что выделение в качестве объекта исследования «базового типа личности», «соборного горожанина» в связи с задачами социокультурного исследования (в отличие от психоаналитического – у Э.Фромма) не должно рассматриваться как эмпирический феномен, но как «сконструированный тип» (Г. Беккер),

как гносеологическая модель, создаваемая на стыке обобщения живой конкретики и теоретического анализа в качестве инструмента дальнейшего исследования социокультурного развития территориальной общности.

Само представление о «городе» в данном контексте также нуждается в опосредовании с точки зрения поиска таких сторон его существования и проявлений, которые позволили бы до определенной степени сделать предметными, фиксируемыми его взаимодействие с личностью. В этом смысле «город» мог быть представлен как некая «пространственная среда», которая охватывает совокупность характеристик, связанных не только с его архитектурно-планировочными особенностями, но и со спецификой социальной среды (включая влияние на нее производственной основы города), характером системы внутригородской коммуникации, состоянием и деятельностью городской сети учреждений культуры (кинотеатров, музеев, библиотек, досуговых центров и пр.).

Важно отметить то, что в историческом развитии города между структурой социокультурных связей «соборного горожанина» и структурой городской среды устанавливается устойчивое соответствие, которое может служить мерой целостности города, характеризующей его способность к воспроизводству определенной социальной и культурной среды, конкретного типа личности. Взаимодействие данных компонентов в их целостности задает единый алгоритм городской жизни, формирует ее стиль. Это дает право рассматривать именно данное соотношение как выражение *социокультурного потенциала города*.

Практическое выявление и анализ социокультурного потенциала города мы осуществляем в несколько шагов:

1. Выделение «базового типа» горожанина. Этот тип характеризует структуру внутригородской жизни в той степени, в которой она позволяет определить ее именно как социокультурное явление. Исходя из того, что всякое пове-

дение индивида или сообщества имеет культурную определенность, городская жизнь должна была рассматриваться как состоящая из нескольких культурных образований (субкультур).

Методически фиксация этих субкультур, образующих искомую структуру, облегчается тем, что они имеют в малых и средних российских городах выраженную социально-демографическую основу. Эмпирически установлено, что в российских провинциальных городах старшее поколение их жителей, как правило, тяготеет к традиционно-патриархальному укладу жизни. Культурные особенности среднего поколения определяются его связью с производством. Молодежь же обычно является проводником урбанистического стиля жизни, даже если в территории нет для этого наличных материальных оснований.

Это определение типологических черт наличествующих субкультурных образований и установление их генетической связи с исторически известными типами культуры позволяет быстро обнаружить репрезентирующие их базовые типы личности. Тем самым, начинает формироваться представление о личностных формах выражения культурной специфики города.

2. Следующим шагом становится изучение внутригородской структуры социокультурной коммуникации. В ходе ее изучения выясняются взаимные диспозиции двух-трех основных обнаруженных субкультурных образований, их иерархия во внутригородском пространстве. Определяющийся на этой стадии образ «соборного горожанина» является выражением реального компромисса отношений этих «культурных сил». Он выступает отражением не только базовых черт доминирующего культурного типа личности, включая социальные характеристики представляемой им общественной группы, но и всей структуры взаимодействий.

Конечно, образ такого «соборного горожанина» в значительной степени (по глубине своих характеристик, ясности связи их с данной социальной и культур-

ной средой) отличается от среднеарифметического портрета жителя города, получаемого при традиционном социологическом подходе. При этом, следует иметь в виду, что для описания личности горожанина найдены соответствующие показатели (характеризующие структуру его ценностных ориентации, мотиваций, потребностей, уровень самоорганизации и гражданской активности и др.), имеющие эмпирическую интерпретацию.

3. Третьим шагом исследования является изучение самих условий жизни горожан, среды их существования. Оно включает в себя характеристики состояния ведущих промышленных предприятий, развитости сети учреждений социально-бытовой сферы, особенностей архитектурно-пространственной организации города. Все названные факторы рассматриваются с точки зрения их влияния на жизнедеятельность «соборного горожанина». Отдельный раздел исследования составляет анализ эффективности деятельности местных органов власти по управлению развитием социокультурного потенциала города.

4. Собранный к данному моменту материал позволяет создать структурно-функциональную модель внутригородской ситуации, а исследование того, как исторически складывалась эта ситуация – ее динамическую модель, которая позволяет представить жизнь территориально-сообщества виде непрерывного процесса, имеющего определенную направленность вектора своего развития. При этом появляется возможность зафиксировать, какой конкретно момент в ходе этого процесса переживает город сегодня, какие это ставит перед ним задачи на будущее. То есть город раскрывается как феномен, имеющий свою самостоятельную логику развития и закономерную последовательность в динамике изменений своего культурного потенциала. С другой стороны, такой подход позволил увидеть, как город, будучи в известной степени, автономным организмом, взаимодействует с другими территориями, какое конкретное преломление в его духовной ат-

мосфере, социальной среде находят общероссийские процессы [1].

Обобщение и анализ эмпирического и теоретического материала позволили охарактеризовать социально-культурный потенциал города, что, в свою очередь, может послужить основой выработки перспективного прогноза развития города, на основе которого могли бы быть созданы конкретные стратегии и программы деятельности местных органов власти.

Данная исследовательская программа была неоднократно реализована при изучении ряда малых и средних городов Свердловской области. В качестве примера приведем результаты социокультурной диагностики г.Верхотурья, осуществленной по заказу областных властей еще в 1993 г.

90-е годы XX века стали для Верхотурья – старейшего из городов Свердловской области – временем, когда не только регион, но и страна заново открывали город для себя, переосмыслили его роль в отечественной истории, признание значения которой создавали надежды на скорейшее и уже объявленное возрождение города.

Свято-Николаевский монастырь, основанный в городе еще по указу царя Бориса Годунова, был снова возвращен церкви. В возрождающемся женском монастыре начались масштабные восстановительные работы. По линии российского министерства культуры и ЮЕСКО началась деятельность по возвращению к жизни планов сохранения и реставрации целостного исторического градостроительного ансамбля Верхотурья с уникальными архитектурными памятниками, кремлем, Свято-Троицким собором. В Верхотурье был проведен международный молодежный лагерь. Стали раздаваться предложения об открытии здесь отделения Уральского государственного университета. А политики предрекали городу превращение в столицу Уральской республики.

Действительно, исторические основания за этим имелись. Основанный в

XVI веке после покорения Сибири Ермаком как военно-стратегический пункт Верхотурье впоследствии играл роль административного и экономического центра всего Зауралья, а XVII–XVIII веках служили для России главной «дверью в Сибирь».

Могло показаться, что 400-летняя история Верхотурья продолжается и в ней открывается новая страница. Однако такое суждение было преждевременным. Конкретный анализ положения города, состояния его социальной и культурной среды показал, что мы имеем дело с обретшим самостоятельное существование культурно-историческим мифом, который находится в сложных отношениях с наличной действительностью.

Ключевым моментом в понимании сегодняшнего дня является представление о прерывности истории города. История Верхотурья – это не трансформация во времени одного исторического поселения, а последовательное возникновение на одной территории нескольких различных поселений со своим населением, производственной деятельностью, способом организации общественной жизни, культурой. Принципиальное значение имеет то обстоятельство, что преемственность между этими поселениями была разрушена.

Еще в середине XVIII века Верхотурье оказалось в стороне от торговых путей и постепенно превратилось в захудалый уездный город. Некоторое оживление экономики города имело место только в конце XIX века. В 1926 году Верхотурье был переведен в разряд сельских населенных пунктов. События, происходившие здесь в 1930-1940-е годы, все еще ждут своего историка.

Единственной связующей нитью между различными эпохами в истории Верхотурья архитектурная среда города. Но именно судьба Верхотурья подтверждает известный тезис о том, что архитектура, как и предметная среда в целом, теряя связь с жизнью, превращаются, по выражению Л. Н. Гумилева, в «нежити»

(в лучшем случае – в памятники прошлых эпох, в худшем – просто в руины).

Начавшееся восстановление монастыря отнюдь не явилось результатом какого-то духовного порыва нынешних верхотурцев. Единственным активным действующим лицом все эти годы в городе оставалась церковь. Но между ней и населением так и не установилось прочных связей, население не включилось в процесс возрождения монастыря и самого города. Жители, то есть сам город, и монастырь продолжают существовать параллельно, как два практически автономных, непересекающихся между собой мира.

Подлинное Верхотурье – это город (точнее, правда, определить его казенным понятием – «населенный пункт», «административный центр»), который продолжает сохранять все особенности поселения, сложившегося вокруг исправительной колонии (которая помещалась в самом центре города на территории Свято-Николаевского монастыря) и лечебно-трудового профилактория для принудительного лечения алкоголиков. Старейший из городов области по численности жителей, объему выпускаемой продукции, доходам населения продолжает занимать последнее место, а по уровню безработицы одно из первых. Местный бюджет на – 80% дотируется за счет областного. В отличие от других городов Северного Урала в Верхотурье никогда не было крупных промышленных предприятий, но производственная деятельность даже тех предприятий, которые функционировали здесь в послевоенный период, в постсоветское время сошли на нет.

По сути, в 1990-е гг. в Верхотурье не было оснований для городской жизни, городской культуры. Жилая застройка – по преимуществу деревянные неблагоустроенные дома, разделяемые огородами, местные жители содержат свиней, коз, коров. Однако от этого их образ жизни не становится сельским. Для социальной и культурной среды Верхотурья характерен не просто маргинальный, промежуточный способ жизни, но культурный уклад,

подобный тому, который исторически обычно образовывали социальные низы, люмпенизированные и деклассированные элементы общества.

В истории отличительными чертами этого «стиля жизни», как правило, были: духовная опустошенность, нигилизм, пренебрежение трудом, отсутствие творческой воли, иждивенческий настрой, социальная пассивность.

Даже не имея точных статистических и историко-демографических данных, можно по одному укладу жизни нынешних жителей Верхотурья указать на генетическую связь образования состава его населения с процессами 1930-х годов, связанных с раскулачиванием, массовыми репрессиями, созданием спецпоселений на севере Свердловской области. Сегодня здесь живут второе, третье и даже четвертое поколение этих людей, образовавших в психологическом, социальном и культурном отношении какой-то новый тип.

Кроме того, на территории района сейчас проживает большое количество людей, в прошлом имевших судимость (около 3 тысяч человек в 1990-е гг.). На фоне кризисной ситуации в экономике этот фактор рассматривался как дополнительное обстоятельство, влияющее на рост преступности в Верхотурье: на 30% в 1994 году, по сравнению с 1993, а бытовых преступлений в 3 раза. Особенно это касалось молодежи: в 1993 г. было отправлено в места заключения в 2 раза больше подростков, чем в предыдущем. Причем, 531 из них к этому моменту нигде не работали и не учились¹. В то же время, происходил рост алкоголизма, в том числе женского и детского, наркомании, других асоциальных и прямо противоправных явлений. То, что преступность имела такой размах в небольшом городке, где, кажется, естественным было бы обнаружить большую традиционность

¹ После некоторого снижения в середине 2000-х рост подростковой преступности она сохраняется на уровне 7-8% от общего числа правонарушений – в среднем 36-37 в абсолютных цифрах (см. подробнее: Паспорт муниципального образования город Верхотурье, 2012. С. 59).

жизненного уклада, большую роль социального контроля, влияние авторитета старших, свидетельствовало о том, что эти характерные для подобного типа поселений черты здесь отсутствуют.

Еще более показательным для понимания ситуации был проведенный анализ положения с семьей. На 142 брака заключенных в Верхотурье в 1993 году пришлось 89 разводов. Многие браки, тем самым, по своей природе больше напоминали форму сожительства, а не семьи. Отношения между родителями и детьми часто принимали здесь патологически иждивенческий характер (нередки случаи, когда пособие, выдаваемое на детей, являлось единственным источником дохода). В созданном Доме ребенка только двое детей были сиротами, остальные 23 – дети родителей, лишенных родительских прав. Очень высоким было количество преступлений на семейно-бытовой почве (по сравнению с 1992 г. в 1993 г. увеличение составило 30%).

При этом жителей Верхотурья можно скорее представить не как горожан, а как людей, насильно поселенных на данной территории, где они никогда не ощущали себя хозяевами. Коренной чертой их мироощущения стало передаваемое из поколения в поколение чувство непрочности, нестабильности бытия.

В условиях социальной пассивности населения, обезличенности городской жизни районная Администрация невольно оказывается склонна к административным методам управления. Выступая во всех важнейших вопросах городской жизни единственным ответственным лицом, рассчитывая только на свои силы и помощь из области, продолжая по инерции «играть на удержание» ситуации, она не могла решить продолжающиеся накапливаться в городской жизни проблемы.

В этих условиях возрождение Николаевского монастыря, внимание к городу Патриархии, вообще активизация здесь деятельности Церкви воспринимается как луч надежды, возможность хоть каких-то перспектив для города. Вновь реанимированной оказалась идея, кото-

рая последние два-три десятилетия прямо-таки довлеет над городам – превращение Верхотурья в туристический центр.

Администрация города делала определенные шаги в этом направлении: монастырю оказывалась некоторая помощь в проведении восстановительных работ, было создано муниципальное предприятие «Реставрационные мастерские» (из 146 млн. рублей, полученных городом на осуществление реставрационных работ в 1993 году более 100 млн. было потрачено на создание материально-технической базы этого предприятия), выкуплен дом отдыха «Актай». Однако даже беглый взгляд убеждает, что для того, чтобы превратить Верхотурье в процветающий центр международного туризма потребуются колоссальные затраты².

Отдел культуры Администрации оказался как бы заложником этого двойственного положения. С одной стороны, в «культуре» местные власти видели виновницу ухудшающейся ситуации в городе (имеется в виду ухудшение общественной атмосферы, рост пьянства, преступности, неблагоприятное положение с семьей как результат недостаточно эффективной деятельности местных учреждений культуры), а с другой стороны, предъявляли к ней требования по созда-

² По сообщениям ИТАР-ТАСС, на заседании областного правительства было принято решение в создание Духовного центра Урала в городе Верхотурье Свердловская область и частные инвесторы до 2015 года вложить почти 1,5 млрд рублей, для чего разработаны и подготовлены инвестиционные меморандумы, ведется подготовка соглашений, подписание которых запланировано в рамках выставки «Иннопром-2011». Создан попечительских совет, куда вошли представители крупнейших компаний Урала. Реализация программы создания комплекса идет по трем направлениям - реставрация объектов культурного наследия, создание эффективного туристического продукта и модернизация инфраструктуры Верхотурья. Проектные, археологические и реставрационные работы сейчас идут на 19 объектах. URL: http://www.tass-ural.ru/lentanews/v_sozdanie_dukhovnogo_tsentra_urala_v_verkhoture_chastnye_investory_vlozhat_pochti_1_5_mlrd_rub.html

нию даже в этой обстановке благопристойного «лица города».

Это давление тем более ощутимо, что сам районный отдел культуры переживал этап становления. Из-за смены заведующих в последние годы в деятельности отдела была полностью нарушена преемственность и в организационно-управленческой работе, и в проведении какой-то определенной линии в культурном развитии района. Но если деятельность небольшой государственной сети учреждений культуры в городе (в которую входят районный и городской дома культуры, детская музыкальная школа, две центральных библиотеки, историко-краеведческий музей) оставалась под контролем районных властей, благодаря чему почти все они работали стабильно, а библиотека и музыкальная школа в это время даже значительно улучшили свою материальную базу, то с точки зрения положения всего районного комплекса учреждений культуры район был «обезглавлен». Так, 70% сельских клубов и домов культуры работают в приспособленных помещениях, 9 из них (то есть почти половина от общего числа) требуют ремонта. Среди их работников практически не было людей со специальным образованием, а текучесть кадров составила в 1993 году 80%. Работники сельских клубов района в своем большинстве не знакомы друг с другом, не имели информации о состоянии дел и практике работы сельских учреждений культуры района. В сложной ситуации, связанной с кризисным положением сельскохозяйственных предприятий, не имея поддержки из райцентра абсолютное большинство сельских клубных учреждений резко сократили свою работу, отказавшись от многих направлений, видов и форм работы. Их деятельность оказалась ограничена только вопросами организации отдыха населения, функционируя в качестве сугубо досуговых учреждений, они видели свою задачу в том, чтобы в клубе сохранились два основных блока работы: регулярное проведение танцев для молодежи и организация массовых праздников. Все

же, что касается работы с детьми, развитием самодеятельных начал сельской культуры, ее фольклорных традиций и народных ремесел, которыми богат район, оказалось прочно забыто.

В настоящее время, по сути, заново созданный отдел культуры сосредоточил свои усилия на налаживании системности в работе районного комплекса учреждений культуры. Вновь для решения текущих вопросов стал собираться Совет директоров учреждений культуры района, рабочие планы сельских клубных учреждений согласовываются и утверждаются в отделе культуры. Возникла некоторая регулярность в проведении районных учебных семинаров. По инициативе отдела культуры клубники на каждый населенный пункт составляет социально-демографический паспорт.

В практическом плане отдел культуры совместно с районным ДК пытался прежде всего в самом Верхотурье наладить систему организации досуга молодежи, создать традицию проведения массовых праздников. Исходя из существующей в городе ситуации, отделом культуры было верно определено основное направление деятельности учреждений культуры – способствовать росту культуры населения, что предполагало необходимость развития самодеятельных начал культурной жизни, создание возможности для проявления инициативы, творчества, способностей самих верхотурцев. Препятствием для реализации этой установки в масштабах района для отдела культуры является отсутствие возможности для маневра и гибкого использования финансовых средств в виду того, что финансирование сельских клубных учреждений идет через бухгалтерии местных сельских и поселковых администраций, что вызывает, кроме того, зависимость самих клубников от местных финансовых органов, невозможность самостоятельно распоряжаться средствами, выделенными на культуру).

В самом же Верхотурье к проблеме ограниченности финансовых средств добавляется привычка городских властей

к использованию административных рычагов. Например, невыполнение финансовых планов может сопровождаться требованием осуществления деятельности учреждений культуры в полном объеме. В этом смысле можно сказать, что подталкивание к активизации деятельности комитета молодежи в сфере досуга (которому был передан под досуговый центр один из бывших профсоюзных клубов), постоянное обсуждение вопросов о перераспределении финансов между ним и отделом культуры, сравнение эффективности их деятельности служит в настоящий момент объективно не развитию самостоятельности, конкуренции, но неосознанно используется Администрацией в качестве механизма контроля и давления на отдел культуры, пытающийся занять более самостоятельную позицию. Кроме того, подлаживаясь под ситуацию, администрация пытается заставить все подведомственные учреждения работать в качестве учреждений системы обслуживания. За ними не признается возможность выполнения самостоятельной инициативной роли, но ставится задача внести свою лепту в сохранение видимости стабильности обстановки, а, по сути, сохранение без изменения нынешнего положения.

При таком подходе уязвимость отдела культуры проявляется в том, что он, как показывает анализ социокультурной среды Верхотурья, лишен возможности провести сразу какое-то эффективное мероприятие, акцию, праздник, которые могли бы получить всеобщее одобрение, поддержку. Дело в том, что в Верхотурье практически отсутствует то, что можно было бы назвать «культурной почвой», отсутствуют готовые культурные формы жизни, традиции, плодотворные социальные связи. Существующие формы самоорганизации населения, их установки в отношении к учреждениям культуры, характер культурных запросов и поведенческие стереотипы в сфере быта граничат с асоциальными. Излюбленное место встреч верхотурской молодежи в дневное время – городской рынок, вечером – тан-

цы в РДК, куда даже подросткам 12-13 лет принято являться в нетрезвом виде. Главной же, объединяющей все возрасты формой «отдыха» является распитие спиртного в компаниях. За 1993 г. в маленьком Верхотурье было раскрыто 72 места, где постоянно занимались распитием спиртного (в милицейской, сводке эти места были названы «притонами») – вот, в сущности, основная «клубная» форма общения, прижившаяся в городе. Всеобщий характер она приобретала в праздники, именно этим прежде всего отличая последние от прочих дней.

Все вышесказанное дало основание сделать главный вывод: вся территория целиком нуждается в кардинальном оздоровлении. *Верхотурью необходима комплексная социально-культурная и медико-психологическая программа реабилитации.* Только при такой масштабной постановке задачи, только в контексте такой всесторонней целостной программы могут быть успешно реализованы программы развития культурно-досуговой деятельности населения, повышена эффективность деятельности учреждений культуры.

Необходимым условием решения данных задач является осознание подлинной глубины и сложности стоящих перед отделом культуры и его учреждениями проблем. Их нельзя представить как просто работу по повышению культурного уровня территории. Речь должна идти об элементарных основаниях ее существования, о том, как придать жизни здесь какую-то культурную определенность, помочь ей укорениться. Начав с целенаправленной проработки культурной стороны сложившегося образа жизни верхотурцев, необходимо проводить стратегическую линию на искусственное возвращение своего культурного уклада, синтезирующего в себе лучшие черты городской и сельской культуры, способного к диалогу с историческим прошлым города. Задача невероятной сложности! К тому же она предполагает преодоление получившего распространение в городе способа жизни во многом откровенно

враждебного культуре. Поэтому ее решение невозможно без постоянного поиска, экспериментирования. Отдел культуры должен превратиться на деле в настоящую лабораторию культуры.

Логичным и верным видится путь поддержки Церкви. Именно христианские идеалы должны быть положены в основу того «промежуточного» культурного уклада, который предстоит породить Верхотурью. Кроме того собственно христианская культура, обладающая своими традициями, ритуалами, годовым праздничным ритмом могла бы выступить цементирующим началом жизни Верхотурья. На основе анализа социокультурного потенциала Верхотурья Администрации города еще в 1994 г. была предложена программы развития сферы культуры Верхотурского района до 2000 года «Верхотурье – наш дом». (Девизы программы: «У Верхотурья и верхотурцев – одна судьба»; «Нашему городу – наша забота»; «Создадим Верхотурью будущее, достойное его исторического прошлого»).

Цели программы:

- I. Развитие культурных сторон жизненного уклада верхотурцев (включая способы участия населения в общественной жизни, формы семейно-бытовой культуры, общения, досуга и т.д.).
- II. Создание предпосылок для формирования культурного своеобразия этого уклада и выявление у города своего индивидуального культурного облика.

Задачи программы:

1. Создание оснований для возникновения в территории культурных традиций.
2. Создание условий для развития городского самосознания верхотурцев, повышения их ответственности за судьбу города.
3. Развитие самодеятельной активности горожан в социокультурной сфере.
4. Поиск форм совместной деятельности с церковью по возрождению Верхотурья, его культуры.
5. Осуществление практических шагов по развитию туризма.
6. Объединение Верхотурского района как культурной целостности. Включение

каждого населенного пункта района в единый культурный процесс, определение в этом процессе роли самого г. Верхотурья.

Двадцать лет, прошедших с момента проведения исследования, как представляется, наглядно свидетельствуют об обоснованности сделанных заключений и плодотворности заявленного подхода. Кроме того, имея в виду то, что к Верхотурью было привлечено большое внимание, следует отметить резкое расхождение между произведенной оценкой социокультурного потенциала города и стратегиями развития города, предлагаемыми вплоть до сегодняшнего дня: «В преддверии празднования 410-летия города Верхотурья разработана и принята муниципальная программа «Возрождение Верхотурья – духовной столицы Урала, жемчужины России» на 2009-2015 годы.

В 2010 году благодаря поддержке Президента Российской Федерации и Губернатора Свердловской области разработана областная государственная комплексная программа «Формирование туристско-рекреационной зоны «Духовный центр Урала» на 2011-2015 годы, в рамках которой планируется проектирование и строительство объектов жилищно-коммунального хозяйства; строительство жилья, в том числе в сельской местности; строительство и реконструкция объектов транспортной инфраструктуры; капитальный ремонт, строительство и реконструкция объектов социальной инфраструктуры; создание новых рабочих мест и многое другое» [2. С. 5].

Очевидно, это требует поставить вопрос о критериях эффективности данных вложений. Материалы приведенного исследования показывают необходимость культурологической экспертизы любых масштабных проектов, осуществляемых в городе, и постоянного мониторинга процессов, определяющих состояние социально и культурной среды города. Решение поставленной задачи по возрождению Верхотурья невозможно без развития человеческого потенциала территории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мурзин А.Э. Пути сохранения и развития историко-культурного потенциала города / Управление культуры администрации Свердловской области – Екатеринбург, 1994.
2. Паспорт муниципального образования город Верхотурье, 2012. URL: <http://adm-verhotury.ru/in/md/econ>.
3. Фромм Э. Человек для себя. – Минск: Коллегиум, 1992.